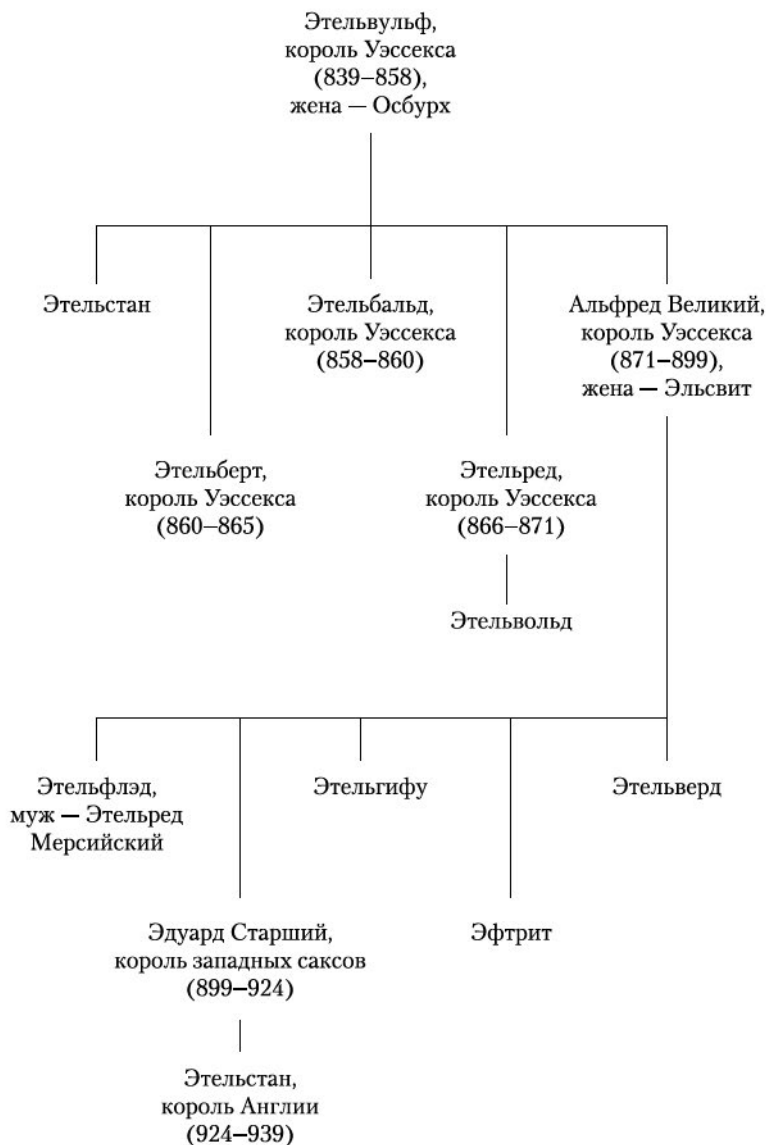

КОРОЛЕВСКАЯ ДИНАСТИЯ УЭССЕКСА

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом. Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я, как правило, принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий» или «Кембриджским словарем английских географических названий». В упомянутых словарях приводятся написания, относящиеся примерно к годам правления Альфреда — 871–899 годам н. э., но даже это не решает проблемы. К примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге» и «Хаэглингейгге». Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства. Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

Бebbанбург — замок Бамбург, Нортумберленд

Бемфлеот — Бенфлит, Эссекс

Вилтунскир — Уилтшир

Винтанкестер — Уинчестер, Хэмпшир

Глевекестр — Глостер, Глостершир

Годелмингам — Годаминг, Суррей

Грантакастер — Кембридж, Кеймбриджшир

Дамнок — Данвич, Суффолк (теперь почти полностью ушел под воду)

Дефнаскир — Девоншир

Дунхолм — Дарем, графство Дарем

- Зегге* — вымышленный фризский остров
Иппи — Эппинг, Эссекс
Истсекс — Эссекс
Канинга — остров Канвей, Эссекс
Кент — Кент
Лекелейд — Лечлейд, Глостершир
Ликкелфилд — Личфилд, Стаффордшир
Линдисфарена — Линдисфарн (Священный Остров), Нортумберленд
Лунден — Лондон
острова Фарнеа — острова Фарн, Нортумберленд
Силкестр — Силчестер, Хэмпшир
Скэпедж — остров Шеппи, Кент
Суморсэт — Сомерсет
Сутриганаворк — Саутуарк, Большой Лондон
Сэферн — река Северн
Темез — река Темза
Тинан — река Тайн
Торней — остров Торни, в настоящее время не существует — он лежал рядом со станцией Лондонского метрополитена «Западный Драйтон» у аэропорта Хитроу
Твид — река Твид
Тунреслим — Тандерсли, Эссекс
Уиск — река Эск
Феарнхэм — Фарнхэм, Суррей
Фугхелнесс — остров Фаулнес, Эссекс
Хайтабу — Хедебю, город на юге Дании
Хамбр — река Хамбер
Хвеалф — река Крауч, Эссекс
Холм Эска — Эшдон, Беркшир
Хотледж — река Хадлей, Эссекс
Хочелейя — Хокли, Эссекс
Хэтлей — Хедлей, Эссекс
Эксанкестер — Эксетер, Девоншир
Эофервик — Йорк
Эскегам — Эшинг, Суррей
Этандун — Эдингтон, Уилтшир
Этелингаэг — Ателней, Сомерсет

Часть первая

ПОЛКОВОДЕЦ

Глава первая

Не так давно я заезжал в один монастырь. Забыл, где именно, помню только — он находится там, где некогда была Мерсия. Дождливым зимним днем я ехал домой с дюжиной людей, и все мы нуждались в крове, еде и тепле. Но монахи повели себя так, будто у их ворот объявилась банда норманнов.

Еще бы — у стен их монастыря стоял Утред Беббанбургский, а репутация моя такова, что монахи ожидали кровавой резни. В конце концов мне удалось им втолковать, что мне просто нужны хлеб, сыр, если он есть, и эль. А в подтверждение своих слов я швырнул на пол деньги:

— Хлеб, сыр, эль и теплая постель. Больше ничего!

На следующий день хлестал такой дождь, будто наступал конец света. Пришлось ждать, пока ветер и ливень не стихнут.

Я бродил по монастырю и очутился в сыром коридоре, где три несчастных с виду монаха копировали манускрипты. За ними присматривал монах постарше — донельзя надутый, седовласый, с кислым лицом. Поверх обычной одежды он набросил меховую накидку и держал кожаную плетть, которой, без сомнения, поддерживал трудолюбие трех писцов.

— Им нельзя мешать, господин, — осмелился пожурить он меня.

Этот монах сидел на табурете рядом с жаровней, тепло которой не добиралось до трех писак.

— Отхожее место не вылизано дочиста, — бросил я, — а тебе, похоже, нечем заняться.

После этого старший монах замолчал, а я взглянул на работу перемазанных чернилами монахов. Один из них — юноша с дряблым лицом, толстыми губами и еще более толстым зобом — переписывал Житие святого Киарана. Речь там шла о том, как волк, барсук и лиса помогли построить церковь в Ирландии. Если молодой монах верил в подобную чепуху, он был еще большим дураком, чем выглядел.

Второй занимался мало-мальски полезным делом, копируя акт безвозмездной передачи земель. Хотя бумага эта, наверное, была чистойшей подделкой. В монастырях всегда находились доки по части выдумывания старых актов передачи земель, они доказывали, что какой-то древний полузабытый король пожаловал церкви богатое поместье. Таким образом они заставляли законных собственников или уступить землю, или заплатить огромные откупные деньги. Один раз даже попытались проделать то же самое и со мной. Священник принес мне документы, я помочился на них, а потом расставил на упомянутой земле двадцать воинов с мечами и послал восточку епископу — пусть придет и возьмет эту землю, когда пожелает. Он так и не пришел.

Люди рассказывают своим детям, что путь к успеху коренится в тяжком труде и бережливости, но это такая же чепуха, как и предположение, что барсук, лиса и волк могли построить церковь. Путь к богатству заключается в том, чтобы стать христианским епископом или аббатом монастыря и заручиться разрешением Небес лгать, жульничать и красть твое имущество.

Третий молодой человек копировал хронику. Я отодвинул в сторону его перо, чтобы увидеть текст.

— Ты умеешь читать, господин? — спросил старый монах.

Он задал вопрос самым невинным тоном, но нельзя было не заметить его сарказма.

— «В этом году, — прочел я вслух, — язычники снова явились в Мерсию, с огромным войском — орда, невиданная

доселе. И они разорили все земли, причинив великое горе божьим людям, которые, милостью Господа нашего Иисуса Христа, были спасены лордом Этельредом Мерсийским. Он явился со своей армией к Феарнхэмму, в каковом месте полнотью уничтожил язычников».

Я потыкал пальцем в текст.

— В каком году это случилось? — уточнил я у переписчика.

— В восемьсот девяносто втором году Господа нашего, — нервно пробормотал тот.

— Итак, что же это такое? — спросил я, щелкнув по листам пергамента, с которых он снимал копию.

— Это «Анналы», — ответил за молодого старший монах. — «Анналы Мерсии». Существует единственная копия, господин, и мы снимаем еще одну.

Я снова посмотрел на только что переписанную страницу.

— Этельред спас Уэссекс? — негодуя спросил я.

— Так и было, — ответил старый монах. — С помощью Господа.

— Господа? — прорычал я. — Это было сделано с моей помощью! Я сражался в той битве, а не Этельред!

Никто из монахов не пикнул. Они просто таращились на меня.

Один из моих людей подошел к концу коридора и прислонился к стене, с ухмылкой на щербатом лице.

— Я был при Феарнхэмме! — заорал я.

Потом схватил единственную копию «Анналов Мерсии» и перевернул негнущиеся страницы. Этельред, Этельред, Этельред — и ни единого упоминания об Утреде, почти не упоминается Альфред, — нет, Этельред, один Этельред.

Я перевернул страницу, на которой рассказывалось о событиях после сражения в Феарнхэмме.

— «И в этом году, — прочитал я вслух, — с Божьей помощью господин Этельред и этелинг Эдуард повели людей

Мерсии в Бемфлеот, где Этельред взял огромную добычу и учинил великое избиение язычников».

Я уставился на старого монаха:

— Этельред и Эдуард возглавляли ту армию?

— Так здесь сказано, господин.

Он говорил тревожно, его прежнее вызывающее поведение исчезло без следа.

— Я их возглавлял, ты, ублюдок! — Я схватил скопированные страницы и бросил их в жаровню.

— Нет! — запротестовал старший монах.

— Они лгут, — отрезал я.

Он умиротворяющим жестом поднял руку.

— Эти записи, господин, — робко объяснил он, — собирались и хранились в течение сорока лет. Они — история нашего народа! И это — единственная копия!

— Они лгут, — повторил я. — Я там был. Я был на холме у Феарнхэмма и во рву у Бемфлеота. А где тогда был ты?

— Я был всего лишь ребенком, господин.

Он издал вопль ужаса, когда я швырнул оригинал «Анналов» в жаровню. Монах попытался спасти пергаменты, но я отбросил его руку.

— Я там был, — повторил я, глядя на чернеющие листы, которые скручивались и потрескивали; потом страницы охватил яркий огонь. — Я был там.

— Сорок лет работы! — в отчаянии воскликнул старый монах.

— Если хочешь знать, что тогда произошло, приходи ко мне в Беббанбург, и я расскажу тебе правду.

Монахи так и не пришли. Конечно же не пришли.

Но я был у Феарнхэмма — как раз это и стало началом всей истории.

Глава вторая

Утро, и я снова молод, и море мерцает розовым цветом и серебром под завитками тумана, прячущего берега. На юг от меня лежит Кент, на север — Восточная Англия, позади — Лунден, а впереди поднимается солнце, чтобы позолотить несколько маленьких облачков, протянувшихся по яркому рассветному небу.

Мы находились в устье Темеза. Мой корабль «Сеолфервульф» был недавно построен и протекал, как все новые корабли. Мастера-фризы сделали его из дубовой древесины, непривычно светлой, отсюда и его имя — «Серебряный волк». За мной шел «Кенелм», названный Альфредом в честь какого-то убитого святого, и «Дракон-мореплаватель» — судно, захваченное нами у датчан. «Дракон-мореплаватель» был красивым, построенным так, так умеют строить только датчане. Гладкий корабль-убийца, послушный в управлении, но смертельно опасный в битве.

«Сеолфервульф» тоже был красив: с длинным килем, с широкими бимсами и высоким носом. Я сам заплатил за него золотом корабельщикам и наблюдал, как его шпангоуты растут, как обшивка обтягивается кожей, как его гордый нос поднимается над стапелем. На носу скалилась волчья голова, вырезанная из дуба и раскрашенная белым, с красным висящим языком, красными глазами и желтыми клыками.

Епископ Эркенвальд, правивший Лунденом, выбрал меня, сказав, что я должен был назвать корабль именем какого-нибудь мягкотелого христианского святого. Он преподнес мне распятие, желая, чтобы я прибил его к мачте «Сеолфервулфа», но я сжег деревянного бога и его деревянный крест, смешал пепел с раздавленными яблоками и накормил смесью двух своих сыновей. Я поклонялся Тору.

Тогда, в то далекое утро, когда я все еще был молод, мы гребли на восток по розовато-серебряному морю. Нос моего судна с волчьей головой украшала дубовая ветвь с густой листвой, чтобы продемонстрировать: мы не собираемся причинять зла своим врагам, хотя мои люди носили кольчуги, имели щиты и держали оружие поблизости. Финан, мой главный помощник, сидел на корточках рядом со мной на рулевой площадке и, забавляясь, дразнил отца Виллибальда, который слишком много болтал.

— Господин Утред, другие датчане приняли милость Христову, — сказал священник.

Он нес подобную чепуху с тех пор, как мы оставили Лунден, но я терпел, потому что мне нравился Виллибальд. Он был полным рвения, трудолюбивым и жизнерадостным человеком.

— С Господней помощью, — продолжал он, — мы озарим этих язычником светом Христа!

— Почему датчане не посылают к нам своих миссионеров? — спросил я.

— Бог этого не допускает, господин, — ответил Виллибальд.

Его товарищ, священник, чье имя я давно позабыл, рьяно кивнул в знак согласия.

— Может, у них есть дела поважнее? — предположил я.

— Если у датчан имеются уши, чтобы слышать, — заверил Виллибальд, — они примут послание Христа с радостью и весельем!

— Ты — дурак, отец, — ласково бросил я. — Знаешь ли ты, скольких миссионеров Альфреда уже убили?

— Мы все должны быть готовы к мученичеству, господин, — отозвался Виллибальд, хотя теперь голос его звучал тревожно.

— Священникам вспороли животы, — задумчиво проговорил я, — выдавили им глаза, отрезали яйца и вырвали языки. Помнишь монаха, которого мы нашли у Иппи? — обратился я к Финану.

Финан бежал из Ирландии и считался христианином, хотя его религия была настолько перепутана с мифами, что в ней с трудом распознавалась та вера, которую проповедовал Виллибальд.

— Как умер тот бедняга? — спросил я.

— С бедолаги живьем содрали кожу, — отозвался Финан.

— Начиная с пальцев ног?

— Просто медленно ее снимая, — подтвердил Финан. — И наверное, на это ушли часы.

— Они ее не снимали, — уточнил я. — Ты не можешь освежевать человека, как ягненка.

— Верно, — согласился Финан. — С человека кожу приходится сдирать рывками. Для этого требуется много сил!

— Он был миссионером, — обратился я к Виллибальду.

— И к тому же благословенным мучеником, — жизнерадостно добавил Финан. — Но датчане, наверное, заскучали, потому что в конце концов прикончили его. Опробовали на его животе пилу, которой пилят деревья.

— А мне кажется, это был топор, — усомнился я.

— Нет, то была пила, господин, — ухмыляясь, стоял на своем Финан. — С жестокими большими зубьями. Она разорвала его пополам, вот так-то.

Отец Виллибальд, который постоянно страдал морской болезнью, шатаясь, направился к борту.

Мы повернули корабль на юг.

Устье Темеза — предательское место отмелей и сильных приливов, но я патрулировал эти воды уже пять лет и почти не нуждался в том, чтобы посматривать на метки на берегу, когда мы шли на веслах к берегу Скэпеджа. Там, впереди, между двумя вытащенными на берег судами, ожидали враги. Датчане. Человек сто, а может, и больше — все в кольчугах, шлемах, с блестящим оружием.

— Можно перерезать всю команду, — заметил я Финану. — У нас для этого достаточно людей.

— Мы же согласились явиться с миром! — запротестовал отец Виллибальд, вытирая губы рукавом.

Итак, мы явились с миром.

Я приказал «Кенелму» и «Дракону-мореплавателю» остаться у топкого берега, а «Сеолфервулфа» мы вывели на покатую илистую отмель между двумя датскими судами.

Нос «Сеолфервулфа» издал шипящий звук, когда судно замедлило ход и остановилось. Теперь оно прочно сидело на земле, но начинался прилив, поэтому некоторое время судно будет в безопасности.

Я спрыгнул с носа корабля, с плеском уйдя в глубокий мокрый ил, и побрел к твердой земле, где ожидали наши враги.

— Мой господин Утред, — приветствовал меня вожак датчан.

Он ухмыльнулся и широко раскинул руки. То был коренастый золотоволосый человек с квадратной челюстью. Борода заплетена в пять толстых кос, украшенных серебряными пряжками, предплечья блестели от золотых и серебряных браслетов, пояс, с которого свисал меч с широким лезвием, тоже украшало золото. Датчанин выглядел удачливым воином — и был им; и что-то в его открытом лице заставляло его казаться достойным доверия... А вот доверия как раз он и не был достоин.

— Я так счастлив видеть тебя, — сказал он, все еще улыбаясь. — Мой старый дорогой друг!

— Ярл Хэстен, — отозвался я, именуя его титулом, которым он любил называться, хотя, с моей точки зрения, Хэстен был всего лишь пиратом.

Мы были знакомы много лет. Однажды я спас ему жизнь, как оказалось — зря. С того самого дня я то и дело пытался его убить, но он всегда ухитрялся ускользнуть. Пять лет назад Хэстен сбежал от меня, и с тех пор доходили слухи, что он совершает набеги вглубь Франкии. Он накопил там серебра, обрюхатил свою жену еще одним сыном и набрал сподвижников. А теперь привел восемь кораблей в Уэссекс.

— Я надеялся, что Альфред пошлет именно тебя, — сказал Хэстен, протягивая руку.

— Если бы Альфред не приказал мне явиться с миром, — ответил я, принимая его руку, — я бы уже снес тебе голову с плеч.

— Ты много лаешь. — Хэстен забавлялся. — Но чем сильнее шавка лает, господин, тем слабее она кусает.

Пришлось спустить ему это. Я прибыл сюда не для того, чтобы сражаться, а выполняя приказ Альфреда: король повелел мне доставить к Хэстену миссионеров. Мои люди помогли сойти на берег Виллибальду и его товарищу, и эти двое подошли и встали рядом со мной, нервно улыбаясь.

Оба священника говорили по-датски, поэтому выбрали именно их. А еще я привез Хэстену послание и драгоценные дары, но тот притворился равнодушным и настаивал на том, чтобы я проводил его в лагерь, прежде чем возьмет подарки Альфреда.

Скэпедж не был главным укреплением Хэстена; основное находилось на некотором расстоянии отсюда к востоку. Именно там на берег вытащили восемь его кораблей, их защищала только что возведенная крепость. Хэстен не хотел приглашать меня в ту твердыню, поэтому настоял, чтобы посланники Альфреда встретились с ним среди пустошей Скэпеджа, который даже летом представлял собой скопище луж, болотной травы и темных топей.

Хэстен появился здесь два дня назад и соорудил грубое укрепление, окружив клочок земли повыше стеной из перепутанных кустов. Внутри возвел два шатра из парусов.

— Перекусим, господин, — царственно пригласил он, указав на сооруженный из козлов стол и дюжину табуретов вокруг него.

Меня сопровождали Финан, еще два воина и оба священника. Впрочем, Хэстен настаивал на том, что священники не будут сидеть за столом.

— Я не доверяю христианским колдунам, — объяснил он, — поэтому они посидят на земле.

Еда состояла из вареной рыбы и твердого, как камень, хлеба, поданных полуголыми рабынями не старше четырнадцати-пятнадцати лет; все они были саксонками.

Хэстен унижал девушек, провоцируя меня, и наблюдал за моей реакцией.

— Они из Уэссекса? — уточнил я.

— Конечно нет, — ответил он, притворяясь, будто мой вопрос его оскорбил. — Я захватил их в Восточной Англии. Хочешь одну из них, господин? Вот у этой, маленькой, груди твердые, как яблоки!

Я спросил у девушки, чьи груди были словно яблоки, где ее взяли в плен, но она только молча покачала головой, слишком испуганная, чтобы ответить. Затем налила мне эля, подслащенного ягодами.

— Откуда ты? — снова спросил я ее.

Хэстен посмотрел на девушку, задержав взгляд на ее груди.

— Ответ господину, — велел он по-английски.

— Не знаю, господин, — отозвалась девушка.

— Из Уэссекса? — требовательно спросил я. — Из Восточной Англии? Откуда?

— Из деревни, господин. — Это все, что она знала.

Я махнул рукой, отсылая ее прочь.

— Твоя жена здорова? — поинтересовался Хэстен, наблюдая, как девушка уходит.

— Здорова.

— Я рад, — довольно убедительно ответил он.

Потом его пронизательные глаза зажглись весельем.

— Итак, твой хозяин передал мне послание? — Капая себе на бороду, Хэстен отправил ложкой в рот рыбный бульон.

— Ты должен покинуть Уэссекс, — сказал я.

— Я должен покинуть Уэссекс!

Хэстен притворился потрясенным. Он махнул в сторону пустынных болот:

— Господин, как человек может захотеть оставить все это?

— Ты должен покинуть Уэссекс, — упрямо повторил я. — Дать согласие не вторгаться в Мерсию, послать моему королю двух заложников и принять его миссионеров.

— Миссионеров!

Хэстен ткнул в меня вырезанной из рога ложкой:

— А вот этого ты не можешь одобрить, господин Утред! Ты, по крайней мере, поклоняешься истинным богам.

Он повернулся на табурете и уставился на двух священников:

— Может, я их убью.

— Сделай это, — бросил я, — и я высосу глаза из твоих глазниц.

Он услышал в моем голосе яд, и это его удивило. В его взгляде мелькнуло отвращение, но голос остался спокойным.

— Ты стал христианином?

— Отец Виллибальд — мой друг, — пояснил я.

— Так бы сразу и сказал, — пожурил меня Хэстен. — Тогда бы я не отпустил такую шутку. Конечно, они будут жить. Пусть даже проповедуют, все равно ничего не добьются. Итак, Альфред велит мне увести корабли.

— Увести их далеко отсюда.

— Но куда? — с притворной наивностью спросил Хэстен.

— Может, во Франкию?

— Франки заплатили мне за то, чтобы я оставил их в покое. Они даже построили нам корабли, чтобы мы поскорее отплыли! Альфред построит нам корабли?

— Ты должен покинуть Уэссекс, — упрямо твердил я. — Ты должен оставить Мерсию в покое, ты должен принять миссионеров и должен дать Альфреду заложников.

— А! — воскликнул Хэстен. — Заложников.

Несколько биений сердца он пристально смотрел на меня, потом, казалось, забыл про заложников и махнул в сторону моря:

— И куда же нам отправиться?

— Альфред молится, чтобы ты оставил Уэссекс, а куда ты отправишься — твоя забота. Но постарайся отправиться куда-нибудь подальше, туда, где тебя не достанет мой меч.

Хэстен засмеялся:

— Твой меч, господин, ржавеет в ножнах.

Он ткнул большим пальцем через плечо.

— Уэссекс горит, — с наслаждением продолжил он, — а Альфред позволяет тебе спать.

Он был прав.

Далеко на юге, затуманивая летнее небо, горели погребальные костры дюжины или больше разоренных деревень — и то были лишь струйки дыма, которые я видел. Я знал, что на самом деле их куда больше.

Восточный Уэссекс грабили, и, вместо того чтобы попросить моей помощи в изгнании захватчиков, Альфред приказал мне оставаться в Лундене, чтобы защитить от нападения город.

Хэстен ухмыльнулся:

— Может, Альфред полагает, что ты слишком стар, чтобы сражаться, господин?

Я не ответил на насмешку.

Вспоминая те годы, думаю, что был тогда молод, хотя мне, пожалуй, исполнилось уже тридцать пять или тридцать шесть. Большинство мужчин просто не живут так долго, но

мне повезло. У меня ничуть не убавилось силы и умения владеть мечом. Хотя я слегка прихрамывал из-за старой боевой раны, зато имел самое главное достояние воина: репутацию. Но Хэстен чувствовал, что свободно может меня задирать, потому что я пришел к нему в качестве просителя.

Я пришел как проситель, поскольку датские флотилии высадились в Кенте, самой восточной части Уэссекса. У Хэстена имелся небольшой флот, и пока этот датчанин довольствовался тем, что строил укрепление и совершал набеги, чтобы обеспечить себя едой и рабами, и только. Он даже позволял кораблям входить в Темез, не нападая на них. Хэстен не хотел сражаться с Уэссексом, потому что ждал, что произойдет на юге, где причалила армада викингов.

Ярл Харальд Кровавые Волосы привел более двухсот кораблей. Его армия ворвалась в недостроенный бург и перебила местных. А теперь его воины рассыпались по Кенту, поджигая и убивая, захватывая в рабство и грабя. Именно люди Харальда запятнали небо дымом.

Альфред пытался противостоять захватчикам. Король теперь был стар и еще более нездоров, чем прежде, поэтому войсками командовали его зять, лорд Этельред из Мерсии, и этелинг Эдуард, старший сын короля.

И они ничего не сделали. Разместили своих людей на огромном лесистом кряже в центре Кента, откуда могли бы наносить удары по армии Хэстена на севере и по армии Харальда на юге. Да так и остались там, по-видимому боясь, что, если нападут на одну из датских армий, вторая атакует их с тыла.

Альфред, убежденный, что враги его слишком сильны, послал меня уговорить Хэстена покинуть Уэссекс. Хотя, на мой взгляд, король должен был приказать повести на датчанина мой гарнизон, позволить пропитать болота датской кровью. Вместо этого мне было велено подкупить Хэстена. Альфред думал, что, если тот уйдет, королевская армия сможет справиться с дикими воинами Харальда.

Хэстен поковырял в зубах колючкой и в конце концов вытащил застрявший там кусочек рыбы.

— Почему твой король не нападает на Харальда?

— А тебе бы хотелось, чтобы он напал, — отозвался я.

Хэстен ухмыльнулся.

— Если Харальд уйдет, — признался он, — и эта его мерзкая шлюха вместе с ним, ко мне присоединится много воинов.

— Мерзкая шлюха?

Хэстен ухмыльнулся, довольный, что знает то, чего не знаю я, затем снова посерьезнел.

— Скади¹, — уныло произнес он.

— Жена Харальда?

— Его женщина, его сука, его любовница, его колдунья.

— Никогда о ней не слышал.

— Услышишь, — пообещал Хэстен. — И если ты увидишь ее, мой друг, ты ее захочешь. Но она приколотит твою голову к фронтому своего дома, если сможет.

— Ты ее видел? — спросил я, и Хэстен кивнул. — Ты ее хотел?

— Харальд — порывистый человек, — вместо ответа проговорил Хэстен. — А из-за подстрекательства Скади отупеет. И когда это произойдет, многие из его людей будут искать себе нового господина.

Хэстен хитро улыбнулся:

— Дай мне еще сотню кораблей, и я смогу стать королем Уэссекса, не пройдет и года.

— Я передам Альфреду твои слова, — ответил я, — и, может быть, это убедит его атаковать тебя первым.

— Он не атакует, — уверенно возразил датчанин. — Если двинется против меня, то тем самым позволит людям Харальда рассыпаться по всему Уэссексу.

Это была правда.

¹ *Скади* — в скандинавской мифологии богиня охоты, великанша.

— Так почему бы ему не атаковать Харальда? — спросил я.

— Ты знаешь ответ.

— Скажи мне.

Он помедлил, раздумывая, открывать ли все, что ему известно, но не смог воспротивиться искушению блеснуть своей осведомленностью. С помощью шипа Хэстен провел линию на деревянном столе, потом нарисовал круг, разделенный этой линией.

— Это Темез, — сказал он, постучав по черте. — Лунден. — Хэстен показал на круг. — У тебя в Лундене тысяча человек, а позади, — датчанин ткнул выше Лундена, — у господина Алдхельма пять сотен мерсийцев. Если Альфред нападет на Харальда, ему нужно будет, чтобы люди Алдхельма и твои люди отправились на юг, а это оставит Мерсию открытой для атаки.

— И кто же атакует Мерсию? — невинно поинтересовался я.

— Датчане Восточной Англии? — так же невинно предположил Хэстен. — Все, что им нужно, — это храбрый вождь.

— Наше соглашение категорически запрещает тебе вторгаться в Мерсию.

— Так и есть, — с улыбкой ответил Хэстен, — только мы еще его не заключили.

* * *

Но мы все-таки его заключили. Мне пришлось уступить «Дракона-мореплавателя» Хэстену, а во чреве корабля стояли четыре окованных железом сундука, полных серебра. Такова была цена соглашения.

Взамен на корабль и серебро Хэстен пообещал оставить Уэссекс и не обращать внимания на Мерсию. Он также согласился принять миссионеров и дал мне в качестве заложников двух мальчиков. Заявил, что один из мальчишек — его племянник, и это могло быть правдой. Второй мальчик был помладше, одет в тонкий лен и носил роскошную золо-

тую брошь. Красивый парнишка с блестящими светлыми волосами и тревожными голубыми глазами. Хэстен встал за спиной мальчика и положил руки на его узкие плечи.

— Это, господин, — с притворным благоговением произнес он, — мой старший сын Хорик. Я даю его тебе в заложники.

Хэстен помолчал и как будто шмыгнул носом, борясь со слезами.

— Я даю его тебе в заложники, господин, в знак своей доброй воли, но умоляю тебя присмотреть за мальчиком. Я очень его люблю.

Я посмотрел на Хорика:

— Сколько тебе лет?

— Ему семь, — отозвался Хэстен, похлопав Хорика по плечу.

— Дай ему ответить самому, — настойчиво проговорил я. — Так сколько тебе лет?

Мальчик издал горловой звук, и Хэстен присел на корточки, чтобы его обнять.

— Он глухонемой, господин Утред, — пояснил Хэстен. — Боги решили, что сын мой должен быть глухонемым.

— Боги решили, что ты должен быть лживым ублюдком, — ответил я, но тихо, чтобы люди Хэстена не услышали и не оскорбились.

— А если даже и так? — забавляясь, спросил он. — Что с того? И если я говорю, что этот мальчик — мой сын, кто докажет обратное?

— Ты оставишь Уэссекс? — уточнил я.

— Я выполню наш договор, — пообещал он.

Пришлось притвориться, будто верю ему.

Я сказал Альфреду, что Хэстену нельзя доверять, но король был в отчаянии. Старик понимал, что в недалеком будущем его ждет могила, и хотел избавить Уэссекс от ненавистных язычников.

Поэтому я заплатил серебро, взял заложников и под темнеющим небом пошел на веслах обратно к Лундену.

* * *

Лунден построили там, где земля поднималась от реки гигантскими ступенями. Терраса шла за террасой; на верхней римляне возвели самые грандиозные здания. Некоторые из них еще стояли, хотя и пришли в печальный упадок. Их залатали с помощью плетней, и, как парша, их облепили крытые тростником и соломой хижины, сооруженные саксами.

В те дни Лунден был частью Мерсии, хотя Мерсия походила на великие римские здания: наполовину павшая, она была покрыта, как паршой, датскими ярлами, которые селились на ее плодородных землях.

Мой кузен Этельред являлся главным олдерменом Мерсии. Предполагалось, что он — ее правитель, но его держал на коротком поводке Альфред Уэссекский, который ясно дал понять, что Лунден контролируют его люди. Я командовал местным гарнизоном, в то время как епископ Эркенвальд правил всем остальным. В наши дни, конечно, он известен как Святой Эркенвальд, но я помню его как угрюмого пронюру.

Надо отдать ему должное — он был умелым человеком и хорошо управлял городом, но его чистейшая ненависть ко всем язычникам сделала его моим врагом. Я поклонялся Тору, поэтому Эркенвальд считал меня злом, но и обойтись без меня не мог. Я был воином, защищавшим его город, язычником, сдерживавшим языческих варваров-датчан уже более пяти лет, человеком, сделавшим земли вокруг Лундена безопасными, благодаря чему Эркенвальд мог взимать свои налоги.

Я стоял на ступеньке лестницы римского здания на самой верхней террасе Лундена с епископом Эркенвальдом по правую руку. Епископ был гораздо ниже меня. Большинство мужчин были гораздо ниже меня, и все-таки мой рост его раздражал. Группа встревоженных священников, с бледными лицами, перепачканными чернилами, собралась на

ступенях под нами, в то время как Финан, мой ирландский воин, стоял слева от меня. Все мы пристально смотрели на юг.

Мы видели мешанину соломенных и черепичных крыш Лундена, множество приземистых башен церквей, построенных Эркенвальдом. Над ними в теплом воздухе кружили красные коршуны, а еще выше я видел первых гусей, летящих на юг над широким Темезом. Реку пересекали остатки римского моста, удивительного строения с неровным проломом посередине. По моему приказу через пролом перекинули деревянный настил, но даже я чувствовал себя не в своей тарелке всякий раз, когда требовалось перейти через этот самодельный участок моста. Южный конец моста защищала крепость из дерева и земли — Сутриганаворк. А еще там простирались широкие болота и стояла кучка хижин — вокруг крепости выросла деревня. За болотами земля поднималась к холмам Уэссекса, невысоким и зеленым, а далеко за холмами, словно призрачные колонны в спокойном небе позднего лета, виднелись струйки дыма.

Я насчитал пятнадцать столбов дыма, но облака затуманивали горизонт, поэтому костров могло быть и больше.

— Они отправились в набег! — воскликнул епископ Эркенвальд.

В его голосе звучали удивление и ярость.

Уэссекс уже много лет был избавлен от больших набегов викингов: его защищали бурги — укрепления, которые Альфред обнес стенами и снабдил гарнизонами. Но люди Харальда принесли огонь, насилие и грабеж во всю восточную часть Уэссекса. Они избегали бургов, нападая только на небольшие поселения.

— Они уже далеко за Кентом! — возмутился епископ.

— И углубляются в Уэссекс, — подтвердил я.

— Сколько их? — спросил Эркенвальд.

— Мы слышали, что причалили две сотни кораблей, поэтому у них должно быть по меньшей мере пять тысяч бойцов. Возможно, с Харальдом отправились две тысячи.

СОДЕРЖАНИЕ

Географические названия	9
Часть первая. ПОЛКОВОДЕЦ	11
Часть вторая. ВИКИНГ	151
Часть третья. НА КРАЮ БИТВЫ	265
Историческая справка	442